

ЕКАТЕРИНА
МОРДВИНЦЕВА

МУХОМОРЫ
ЗНАЮТ ВСЕ
ТИХАЯ ОХОТА НА ПРОФЕССОРА

Екатерина Мордвинцева

**Мухоморы знают всё.
Тихая охота на профессора**

«Литнет»

2026

Мордвинцева Е.

Мухоморы знают всё. Тихая охота на профессора /
Е. Мордвинцева — «Литнет», 2026

Как провалить месть за пять секунд: перепутать дверь, облить преподавателя и получить в наследство горшок с ядовитыми комментаторами. Дарсия Фэрстон теперь официально: нянька, садовод и по совместительству главный раздражитель профессора Герхарда. Но у природы, как говорится, нет плохой погоды, а у говорящих грибов — нет совести. И когда между «полить» и «прополоть» проскальзывает что-то большее, мухоморы довольно потирают шляпки: кажется, их миссия выполнена.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1

Если бы мне кто-то сказал неделю назад, что моя главная проблема на последнем курсе Академии магии будет заключаться не в выпускных экзаменах, не в поиске работы и даже не в том, как задобрить профессора по боевой трансфигурации, — я бы рассмеялась этому человеку в лицо.

Зря бы рассмеялась.

Потому что моя главная проблема сейчас — это Льюис Лартерон собственной персоной. И тот факт, что я уже четвертое утро подряд просыпаюсь с мыслью: «Вот сегодня я его точно убью».

Утро четверга началось стандартно. Будильник, заряженный магией пробуждения, взорвался над моей подушкой фейерверком из мелодичных, но чудовищно громких трелей. Я вслепую хлопнула по нему рукой, промахнулась и скинула на пол книгу по зельеварению, которая и так уже лежала на краю тумбочки с подозрительным видом.

— Дарсия, твою ж за ногу! — донеслось рядом.

Соседка по комнате, Тильда, спала дальше, но её защитный полог имел свойство пропускать звуки ровно настолько, чтобы она могла выразить своё недовольство моим существованием. Я её понимала. Я сама была недовольна своим существованием по утрам.

В комнате пахло вчерашним зельем для улучшения роста волос, которое Тильда варила до полуночи. Пахло так себе. Горелой крапивой и отчаянием.

Я сползла с кровати, нащупала ногами тапки (один нашелся сразу, второй пришлось выуживать из-под шкафа с помощью слабенького призывающего заклинания) и поплелась в умывальную.

В магическом зеркале отражалась девица с всклокоченными волосами, собранными в пучок, который держался, кажется, исключительно на магии убеждения, и с таким выражением лица, будто я уже час спорю с ректором о смысле жизни.

— Ты прекрасна, — соврало зеркало. Я его настраивала лично, поэтому оно врало всегда, но делало это с такой искренней интонацией, что поневоле верилось.

— Спасибо, дорогое, — буркнула я, запихивая в рот зубную щетку.

Дальше по накатанной: форма (мантия села идеально, потому что я заколдовала её утром в понедельник не мяться вообще никогда), сумка (туда полетели конспекты, учебники и пара пузырьков с зельями от головной боли — стратегический запас), быстрый перекус (бутерброд, прихваченный из столовой вчера вечером и уже подсохший до состояния подметки).

В общем, обычное утро обычной студентки последнего курса.

Я вышла из общежития и вдохнула утренний воздух Академии. Пахло магией, свежестью и, кажется, грозой. Над крышами главного корпуса лениво ворочались тучи, периодически сверкая фиолетовыми искрами — это метеорологический факультет экспериментировал с климатом. В прошлый раз они перестарались, и три дня шел дождь из лягушек. Маленьких, но очень навязчивых.

Я ускорила шаг. Лекция по зельеварению у магистра Вайса начиналась ровно в девять, а опаздывать на неё было смерти подобно. Старик Вайс, конечно, безобидный, как комнатный цветок, но, если ты опаздываешь, он смотрит на тебя так обиженно, что хочется провалиться сквозь землю прямо на месте.

— Дарсия! Подожди!

Я обернулась. Ко мне бежала Мира, моя подруга и главный источник сплетен в Академии. Мира была высокой, темноволосой и очень красивой, но при этом умудрялась носить мантию так, будто только что вылезла из стихийного портала. Вечно что-то торчит, вечно что-то развязано, вечно она что-то потеряла.

— Ты видела? — выпалила она, поравнявшись со мной и хватая ртом воздух.

— Что я должна была видеть в восемь утра, кроме собственного желания залезть обратно в кровать?

— Льюис! — Мира округлила глаза. — Он вчера на факультативе по трансфигурации превратил крысу в кресло. А обратно превратить не смог. Так и сидит теперь в аудитории кресло, которое иногда шевелит хвостом. Говорят, ректор рвет и мечет.

Я фыркнула.

— Льюис всегда был бездарностью. Просто умеет вовремя прятаться за папину спину.

Льюис Лартерон был моим личным кошмаром последние четыре года. Сын богатых родителей, которые купили ему место в Академии (я уверена на сто процентов), он обладал талантом ровно в одной области — умении выводить меня из себя. И он им пользовался. Постоянно.

То учебник мой «случайно» уронит в лужу, то на полигоне подставит так, что я лечу в сугроб, то лабораторную работу испортит, подсунув не те ингредиенты.

В прошлом месяце он подложил мне в сумку прыгающее заклинание, и мои конспекты скакали по всей аудитории двадцать минут. Я их ловила под аккомпанемент его ржания.

Я мечтала о мести. Честно. Но месть должна быть красивой. И законной. И желательно такой, чтобы он опозорился при всем курсе.

— Сегодня у нас зельеварение, — напомнила Мира, когда мы входили в главный корпус.

— Я в курсе. — Я поправила сумку на плече. — И Вайс обещал проверить наши конспекты по составу «Укрепляющего отвара». Я вчера полночи сидела, выверяла пропорции.

— О, это тот, где нужно семь раз проверить дозировку корня мандрагоры, а то вместо бодрости получишь временный паралич голосовых связок?

— Именно. — Я похлопала по сумке. — Всё готово. Льюису меня не достать.

Мы вошли в аудиторию.

Зельеварение проходило в большой круглой комнате с высокими потолками и огромными окнами. Вдоль стен тянулись стеллажи с ингредиентами — сушеными травами, кореньями, пузырьками с разноцветными жидкостями и банками с законсервированными... Ладно, не будем о грустном. По центру стояли тяжелые каменные столы с вмурованными в них котелками.

Мы с Мирой заняли наши обычные места у окна. Я выложила на стол конспекты, учебник и перьевую ручку, которая умела писать сама, если ей правильно диктовать.

Народ потихоньку подтягивался. Кто-то зевал, кто-то дожевывал завтрак, кто-то судорожно дописывал домашку на коленке.

И тут вошел он.

Льюис Лартерон.

Высокий, светловолосый, с идеальной укладкой (кто вообще укладывается к восьми утра?), в безупречно сидящей форме и с таким выражением лица, будто он уже всё знает про всех и ему слегка скучно. За ним, как два преданных хвоста, тащились его прихлебатели — тощие парни с невыразительными лицами, которых все звали просто «те двое».

Льюис прошел мимо нашего стола и бросил на меня короткий взгляд. Уголок его губ дернулся вверх.

У меня внутри сразу включилась сирена.

— Спокойно, — шепнула Мира. — Он просто улыбается. Может, у него газы.

— У него никогда не бывает газов, — мрачно ответила я. — Он слишком идеальный для газов. Это подозрительно.

В аудиторию вошел магистр Вайс. Невысокий, кругленький, с длинной седой бородой, в которую иногда попадали ингредиенты, если он варил что-то сложное. Сегодня в бороде зеленело что-то подозрительное.

— Доброе утро, адепты! — бодро провозгласил он. — Сегодня у нас практическая работа. Вы будете варить «Укрепляющий отвар» самостоятельно, опираясь на свои конспекты. Напоминаю: корень мандрагоры добавляется строго седьмым, после того как отвар закипит три раза. Нарушение порядка грозит...

— Параличом голосовых связок, — закончили мы хором.

Вайс довольно кивнул.

— Именно. Приступайте.

Я открыла конспекты.

И замерла.

Что-то было не так.

Я моргнула. Протерла глаза. Посмотрела снова.

Вместо «корень мандрагоры — 3 грамма» в моем списке ингредиентов значилось: «имбирь для пряности — 3 грамма».

Вместо «чешуя дракона молотая — щепотка» было написано: «корица молотая — для аромата».

Вместо «слеза единорога — 5 капель» красовалось: «ванильный экстракт — по вкусу».

Я медленно, очень медленно перевела взгляд на Льюиса.

Он сидел через два стола от меня и делал вид, что очень занят изучением своих конспектов. Но плечи его мелко тряслись.

— Дарсия? — позвала Мира. — Ты чего застыла? У тебя лицо как у человека, который увидел призрака своей бабушки.

— Он... — выдохнула я. — Он снова...

Я пролистнула дальше. Весь мой конспект был аккуратно, красиво, с подражанием моему почерку переписан. Но ингредиенты заменены на кулинарные!

Там, где должен быть рецепт бодрящего зелья, теперь значился рецепт имбирного печенья. Вместо укрепляющего отвара — ванильный кекс. А в самом конце, мелким почерком, приписка: «Пальчики оближешь! Особенно после того, как у тебя отнимется язык».

— Я убью его, — прошептала я.

— Дарсия, не здесь, — зашикала Мира. — Здесь Вайс, он старый, у него сердце слабое.

— Я его задушю своими руками. Прямо сейчас. Потом воскресну и задушю снова.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. В груди полыхал такой огонь, что, кажется, от меня можно было разжигать костёр.

Весь прошлый вечер. Вся ночь. Я сидела, выверяла каждую цифру, каждую запятую. Я гордилась собой! Я думала, что наконец-то сделала всё идеально!

А он просто взял и...

— Спокойно, — Мира положила руку мне на плечо. — Смотри. У тебя же есть черновики. Помнишь, ты вчера показывала мне наброски?

Я замерла.

Черновики.

Точно!

Я судорожно начала рыться в сумке. Тетрадь с черновиками, старая, потрепанная, с пятнами от зелий на обложке... Я вытащила её, раскрыла на нужной странице и выдохнула.

Рецепт был на месте. Корявым, моим собственным почерком, с пометками и исправлениями. Но на месте.

— Живи, — выдохнула Мира. — Льюис просчитался.

Я покосилась в сторону Льюиса. Он теперь откровенно ухмылялся, поглядывая на меня.

— Думаешь, — процедила я сквозь зубы. — Он просчитался.

Всю пару я варила отвар, сверяясь с черновиками и периодически бросая на Льюиса взгляды, полные такой ненависти, что, будь они материальны, от него бы осталась мокрая лужица.

Отвар получился идеальным. Вайс даже похвалил меня за точность пропорций.

— Отличная работа, адептка Фэрстон! — сказал он, пробуя мое зелье на цвет и запах.
— Чувствуется рука мастера.

Я улыбнулась сквозь зубы.

Льюис свою порцию запарол. Естественно. Потому что без папы он вообще ничего не умел. Его отвар приобрел странный фиолетовый оттенок и пах жженым сахаром. Вайс погрозил ему пальцем и велел пересдавать.

Но легче мне от этого не стало.

Потому что Льюис смотрел на меня и улыбался. Улыбался так, будто это он победил.

Когда пара закончилась, и Вайс вышел из аудитории, я встала, аккуратно сложила вещи в сумку и направилась к выходу. Льюис преградил мне дорогу.

— Ну как, Дарси? — промурлыкал он. — Вкусный был рецептик? Я старался, подбирал специи.

— Отойди, Льюис.

— Или что? Пожалуйся ректору? — Он театрально вздохнул. — А на что? Что я тебе рецепт печенья написал? Это не запрещено.

— Ты испортил мою работу.

— Я её улучшил! — Он развел руками. — В следующий раз, когда будешь печь печенье, скажешь спасибо.

Я глубоко вдохнула. Выдохнула.

— Знаешь что, Льюис?

— Что?

— Я не буду жаловаться ректору.

Он удивился. Видимо, ожидал другой реакции.

— О? И что же ты сделаешь?

Я улыбнулась. Максимально сладко. Максимально ласково.

— Увидишь.

Я обошла его и вышла из аудитории.

За моей спиной раздался его смех.

Я шла по коридору, сжимая в руках лямку сумки, и в голове у меня крутилось только одно.

Отомстить. Немедленно. Красиво. Так, чтобы он запомнил этот день на всю оставшуюся жизнь.

— Дарсия! — Мира догнала меня. — Ты чего такая спокойная? Это пугает.

— Я думаю, — ответила я.

— О чем?

— О мести.

Мира охнула.

— Только без криминала! Ты же знаешь, за темные делишки отчисляют мгновенно.

— Без криминала. — Я остановилась и посмотрела на неё. — Мира, у тебя есть доступ к лаборатории алхимии?

— Вообще-то есть. А что?

— Мне нужно одно зелье. Безобидное. Почти.

Мира прищурилась.

— Какое?

Я улыбнулась. Та самая улыбка, от которой у нормальных людей мурашки по коже.

— Помнишь Марту с четвертого курса? Ту, которая специализируется на магии внешности?

— Ну?

— У неё была экспериментальная работа. Средство для роста волос, кажется. Но что-то пошло не так, и она бросила эту затею.

— И? — Мира смотрела с подозрением.

— И рецепт остался. Она мне показывала. Очень интересный состав. И главное — совершенно безвредный. Но с одним маленьким побочным эффектом.

— С каким?

— Тот, на кого это зелье попадает, потом три дня пахнет... Ну, скажем, не очень приятно. Для окружающих. Сам он ничего не чувствует. А вот все вокруг — да.

Мира замерла. Потом медленно расплылась в улыбке.

— Дарсия. Ты гений.

— Я знаю.

— И ты хочешь вылить это на Льюиса?

— Я хочу вылить это на Льюиса так, чтобы он понял: связываться со мной — плохая идея. Но при этом чтобы никто не доказал, что это я.

— И когда?

Я посмотрела на расписание. Следующая лекция у нас через два часа. Перерыв. Самое время.

— Сегодня. В перерыве. Он всегда ходит один в библиотеку через западную лестницу. Там коридор пустой.

Мира схватила меня за руку.

— Я с тобой. Я буду стоять на шухере.

— Мира, если нас поймают...

— Не поймают. — Её глаза горели азартом. — За Льюиса я готова рискнуть. Он мне в прошлом году тоже гадость сделал — мою причёску испортил перед балом. Помнишь?

Я помнила. Мира тогда две недели ходила с накладными волосами и проклинала всех Лартеронов до седьмого колена.

— Пошли, — решительно сказала я. — Время не ждет.

Мы рванули в лабораторию.

Глава 2

Коридор западной лестницы был пуст, тих и идеален для совершения маленькой, но справедливой подлости. Я стояла за дверью пустой аудитории номер тринадцать (да, я знаю про приметы, но, во-первых, я не суеверная, а во-вторых, это была единственная дверь, которая открывалась наружу, обеспечивая идеальный обстрел), и в руках у меня было самое прекрасное оружие возмездия — котелок с мутно-зеленой жидкостью.

Зелье Марты, если верить её словам, должно было обеспечить Льюису три дня абсолютного одиночества. Потому что от него будет разить так, что даже мухи будут облетать его за километр. При этом сам он ничего чувствовать не будет. Идеальное наказание для того, кто любит быть в центре внимания.

— Дарсия, — донеслось от поворота. Голос Миры звучал напряженно. — Ты как там?

— Как засадный полк, — шепнула я в ответ, не высываясь. — Не отвечаю.

— Я не отвечаю, я на стреме. Это называется «на стреме».

— Ты на стреме так, что тебя слышно во всем крыле.

Мира обиженно замолчала. Я прислушалась.

Где-то вдалеке хлопали двери, слышались голоса студентов, но западное крыло традиционно пустовало в перерывах. Все тусовались в большой столовой или во внутреннем дворе. И только Льюис, с его манией величия и любовью к тишине, ходил именно сюда. В библиотеку западного крыла, где хранились древние фолианты, которые он, конечно же, не читал. Он просто делал вид, что читает. Для статуса.

Я знала его маршрут наизусть. Четыре года наблюдений за врагом даром не прошли.

Итак, сейчас перерыв. Лекция по теории магии у него закончилась пять минут назад. Преподаватель — магистр Прутиус — всегда задерживается, потому что любит поговорить о жизни. Значит, Льюис выйдет через примерно десять-пятнадцать минут. Ровно столько, чтобы я успела натереть руки от нетерпения.

Я перехватила котелок поудобнее. Жидкость внутри слегка плескалась и пахла... Ну, скажем так, пахло от неё не очень. Но это я чувствую. А Льюис не почувствует ничего. До поры до времени.

В голове уже рисовались радужные картины.

Вот Льюис заходит в библиотеку, садится за свой любимый стол у окна, раскрывает книгу... И тут начинается. Сначала окружающие начинают принохиваться. Потом морщить носы. Потом отодвигаться. А он сидит, такой умный, и ничего не понимает. А потом кто-нибудь не выдерживает и говорит: «Льюис, от тебя разит, как от помойного дракона после обеда». И он такой: «Что? Не может быть!» А все вокруг: «Может-может».

И никто, никто не докажет, что это я. Потому что зелье начинает вонять только через час после попадания, а до этого момента оно абсолютно нейтрально. К тому времени я буду сидеть в столовой с самым невинным лицом и уплетать пирожок.

Гениально.

— Дарсия, — снова зашептала Мира. — А если он не один пойдет?

— Он всегда ходит один. Он слишком важный для компании.

— А если с ним те двое?

— Те двое — это не компания, это приложение. Не считаются.

Мира хмыкнула, признавая мою правоту.

Я снова прислушалась.

Тишина.

И вдруг — шаги.

Тяжелые. Четкие. Размеренные.

Я вся подобралась.

Это он. Точно он. Походка уверенная, наглая, хозяйская. Льюис иногда пытается ходить так, будто он здесь главный. У него плохо получается, потому что наглости много, а веса мало. Но звук шагов... Жа, это мужские шаги, сомнений нет.

Котелок в моих руках чуть дрогнул от нетерпения.

— Внимание, — одними губами прошептала я. — Идет.

Мира, судя по звуку, вжалась в стену за поворотом.

Шаги приближались.

Ближе.

Еще ближе.

Сейчас.

СЕЙЧАС!

Дверь распахнулась. Я, даже не глядя, выплеснула зелье вперед, целясь примерно в район груди — туда, где у Льюиса обычно красовался идеально выглаженный галстук с гербом Академии.

— Получи, Льюис! — выдохнула я с чувством глубокого удовлетворения.

И замерла.

Потому что в дверях стоял не Льюис.

Стоял мужчина.

Высокий. Очень высокий. Настолько высокий, что ему пришлось чуть пригнуться, чтобы войти в дверной проем, хотя дверь была стандартная и вполне себе немаленькая.

Широкоплечий. Настолько широкоплечий, что мантия на нем сидела так, будто ее натягивали на шкаф. И при этом сидела идеально. Потому что под мантией угадывались такие мышцы, что любое описание просто меркло.

Лицо. О, это лицо стоило отдельного упоминания. Тяжелая челюсть, четкие скулы, прямой нос и глаза... Глаза были серые. Холодные. И в данный момент в них отражалось мое собственное лицо с открытым ртом и котелком в руках.

По мантии, по этой идеальной, безупречно выглаженной черной мантии с серебряной отделкой преподавателя высшего ранга, медленно стекала мутно-зеленая жижа.

Она стекала по груди.

По рукаву.

Капала на пол.

И пахло от неё теперь... Ну, скажем так, даже мне стало немного дурно.

Мужчина смотрел на меня.

Я смотрела на мужчину.

Котелок выскользнул из моих онемевших пальцев и с гулким, каким-то похоронным стуком покатился по каменному полу. Звук получился таким многозначительным, что я мысленно похоронила себя раз пять.

Тишина.

Абсолютная.

Даже Мира за поворотом, кажется, перестала дышать. Или просто сбежала. Я бы на её месте сбежала. Я бы на её месте уже была на другом конце континента.

— Адептка... — Голос у мужчины оказался именно таким, каким и должен быть у человека с такой внешностью. Низким. Глубоким. Рокочущим. И очень, очень спокойным. Спокойным, как удав перед тем, как заглатывать кролика. — Фэрстон, кажется?

Я хотела ответить.

Правда.

Я даже рот открыла.

Но из горла вырвался только какой-то странный звук, похожий на писк новорожденного котенка.

— Я... я... это... вы... не Льюис...

— Я не Льюис, — подтвердил он. В его голосе не было злости. Не было даже раздражения. Только ледяное, космическое спокойствие, от которого у меня внутри всё сжималось в тугой узел. — Я новый преподаватель боевой магии. Герхард Стронвэлд. — Он сделал паузу. Посмотрел на свою мантию. На лужу на полу. Снова на меня. — И я очень надеюсь, что у вас есть внятное объяснение тому, что вы только что сделали.

Я открыла рот.

Закрыла.

Снова открыла.

В голове пронеслась тысяча мыслей. Самая навязчивая: «Почему я не осталась в постели?» Вторая: «Почему Льюис не вышел первым?» Третья: «Почему этот человек такой огромный?»

— Я... — выдавила я наконец. Голос прозвучал жалко, как у провинившейся мыши. — Я принимала вас за другого.

— За Льюиса, — уточнил он.

— Да.

— Который, по вашим словам, должен был выйти из этой аудитории.

— Да.

— И вы планировали вылить это... — он покосился на лужу, от которой уже начал исходить специфический аромат, — ...это на него.

— Да.

— Можно узнать, за что?

Я замялась. Рассказывать новому преподавателю о своих разборках с одноклассником? Звучало как-то по-детски.

— Он испортил мои конспекты.

Герхард Стронвэлд моргнул.

— И испортил конспекты.

— Да.

— И вы решили его облить.

— Это безобидное зелье. Почти. Оно просто пахнет.

— Просто пахнет, — повторил он.

Я кивнула, чувствуя, как горят щеки.

Он медленно, очень медленно перевел взгляд на свою мантию. Потом снова на меня.

— Адептка Фэрстон. Вы только что облили меня чем-то, что «просто пахнет». На моей мантии теперь пятно. И я, кажется, начинаю чувствовать этот запах.

Я принялась.

Да. Запах усиливался. И был он специфический. Как будто смешали тухлые яйца, болотную тину и заставили всё это перебродить на солнце.

— Это пройдет, — выпалила я. — Через три дня.

Его бровь дернулась вверх.

— Через три дня?

— Ну... Может, через два с половиной. Если мыться с мылом.

Повисла пауза.

Герхард Стронвэлд смотрел на меня так, будто решал сложную математическую задачу. Например, каким заклинанием меня удобнее превратить в жабу.

— Адептка, — сказал он наконец. — У меня сейчас лекция у старшего курса. Я не могу зайти в аудиторию, пахнув этим.

— Я понимаю.

— Что вы предлагаете?

Я задумалась. Лихорадочно. Панически.

— Я могу постирать? — ляпнула я первое, что пришло в голову.

Он посмотрел на меня с таким выражением, будто я предложила ему станцевать джигу.

— Вы предлагаете мне снять мантию прямо здесь и отдать вам?

Я представила эту картину. Он снимает мантию. Под мантией... Я затрясла головой, отгоняя неуместные мысли.

— Нет! То есть... Нет. Я не то имела в виду.

Он вздохнул. Впервые за всё время в его лице появилось что-то человеческое. Усталость.

— Ладно. Идемте.

— Куда? — пискнула я.

— Ко мне в кабинет. Нужно понять, что это за зелье и как его смыть. Если вы, конечно, не хотите, чтобы я до конца дня ходил с этим ароматом.

Я затравленно оглянулась на поворот, за которым, я надеялась, всё еще пряталась Мира. Предательница, кстати, так и не появилась.

— Идемте, — повторил он и, развернувшись, зашагал по коридору.

Я, как привязанная, поплелась за ним.

По дороге я думала о том, что жизнь моя кончена. Диплом можно не получать. Карьеру не строить. Остается только уйти в монастырь или уехать в другую страну и сменить имя.

Герхард Стронвэлд шел впереди, и я видела, как на его спине, там, куда попало зелье, медленно, буквально на глазах, начинает происходить что-то странное.

Сначала я подумала, что мне кажется. Что это просто блики света.

Но потом я разглядела.

Там, где мокрая ткань прилипла к спине, проступали маленькие бугорки. Они росли. Медленно, но уверенно.

Я заморгала. Протерла глаза.

Бугорки не исчезали.

— Господин профессор, — позвала я осипшим голосом.

Он не обернулся.

— Господин профессор, — повторила я громче. — У вас на спине...

Он остановился. Медленно повернул голову.

— Что у меня на спине?

Я указала пальцем.

Он попытался посмотреть через плечо, но с его комплекцией это было сложно. Тогда он стянул мантию одним движением (я отвела глаза, потому что под мантией оказалась рубашка, и рубашка, судя по всему, тоже была с бицепсами) и посмотрел на спину.

Я тоже посмотрела.

И мы оба замерли.

Потому что на спине его мантии, там, куда попало зелье, теперь красовались три маленьких ярко-красных мухомора.

Они были крошечные, размером с ноготь, но очень отчетливые. И они шевелились.

— Это... — начал Герхард.

— Это мухоморы, — закончила я тупо.

— Я вижу, что мухоморы. Почему они на моей мантии?!

Я открыла рот. Закрыла.

— Я не знаю. Этого не должно было быть. Марта говорила, что зелье просто пахнет.

— Кто такая Марта?

— Студентка. С четвертого курса. Она специализируется на магии внешности.

Герхард посмотрел на меня таким взглядом, что я поняла: ещё немного, и он начнет сверкать молниями.

— Вы облили меня экспериментальным зельем неизвестной студентки?

— Я думала, оно безобидное! — почти выкрикнула я в свое оправдание.

— Вы думали!

Он снова натянул мантию. Мухоморы скрылись под тканью, но я готова была поклясться, что они там, на спине, и они растут.

— В кабинет, — рявкнул он. — Живо.

Я побежала.

В кабинете было темно, строго и пахло кожей и магией. Герхард снова снял мантию и теперь рассматривал мухоморов в свете магического светильника.

Грибы подросли. Теперь каждый был размером с фалангу пальца. И, кажется, у них появились лица.

— Они... Они на меня смотрят, — тихо сказал Герхард.

Я присмотрелась.

И правда. На каждом мухоморе проступали крошечные черты: глазки, маленькие рты. И выражение у всех троих было... Ну, как бы это сказать... Недовольное. Крайне недовольное.

— Это нормально? — спросил Герхард, не оборачиваясь.

— Я не знаю, — честно ответила я. — Впервые вижу говорящие грибы.

— Они еще и говорящие?!

— Ну... Пока молчат. Но лица есть.

Герхард медленно, очень медленно повернулся ко мне.

— Адептка Фэрстон. Сейчас вы мне расскажете всё. От начала до конца. Про Льюиса, про Марту, про зелье, про эти... эти... — он запнулся, подбирая слово.

— Мухоморы, — подсказала я.

— Я знаю, что мухоморы! — рявкнул он так, что светильник мигнул.

И в этот момент случилось это.

Тишину разрезал тонкий, скрипучий, крайне ехидный голосок:

— Ой, какие мы нервные! А мантия-то, мантия... Вся в пятнах. И кто так носит форму?

Мы с Герхардом замерли.

— Ты слышала? — спросил он шепотом.

— Да, — ответила я шепотом.

— Это не ты?

— Нет.

— Тогда кто?

Мы одновременно посмотрели на мантию.

Три мухомора, теперь уже размером с хороший палец, смотрели на нас тремя парами крошечных глазок. И у всех троих на морщинистых грибных лицах застыло выражение глубочайшего презрения.

— Чего вылупились? — спросил тот, что сидел выше всех. — Живых грибов не видели?

— Это... — выдохнул Герхард.

— Говорящие мухоморы, — закончила я обреченно.

— Долго вы будете тут стоять и любоваться? — подключился второй, с левой стороны.

— Мне, между прочим, неудобно. Ткань какая-то колючая. И вообще, кто хозяин? Этот что ли, лоб? — гриб покосился на Герхарда. — Слушай, начальник, ты бы хоть представился, что ли. А то стоишь как истукан.

Герхард открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Я... Герхард Стронвэлд.

— Красивое имя, — прокомментировал третий мухомор, самый мелкий. — Для шкафа сойдёт. А это кто с тобой? — он кивнул на меня.

— Это... — Герхард запнулся.

— Это я, — вышла я вперед. — Дарсия. Та, которая вас... создала.

Три пары глаз уставились на меня.

— Эта? — недоверчиво протянул первый. — Эта пигалица нас сделала?

— А выглядит не очень, — добавил второй. — Худющая. И волосы как гнездо.

— Зато глаза красивые, — неожиданно вступился третий. — Рыжие. Под наш цвет.

— Цвет — это да, — согласился первый. — Цвет угадала. А всё остальное — мимо.

Я стояла и слушала, как три гриба обсуждают мою внешность, и чувствовала, что мой личный ад только начинается.

Герхард смотрел на меня. В его глазах читалось что-то среднее между ужасом, обреченностью и, мне показалось, или там мелькнуло что-то похожее на смех?

— Адептка Фэрстон, — сказал он голосом человека, который только что потерял всё, но держится молодцом. — Я еще не решил, что с вами сделаю. Но когда решу, вам это не понравится.

— Я понимаю, — прошептала я.

— Снимать нас надо, — подал голос мухомор. — Чего стоите? Снимайте давайте. Не век же нам на тряпке висеть.

— Снимать? — переспросил Герхард.

— Ну да. Мы же грибы. Нам грунт нужен. Горшок там. Водичка. А то зачухнем — и кто тогда будет вам правду в глаза говорить?

Герхард посмотрел на меня.

Я посмотрела на Герхарда.

Грибы смотрели на нас обоих с видом строгих родителей, которые только что застали детей за шалостью.

— Я сейчас... — начала я.

— Вы сейчас, — перебил Герхард, — будете молчать и делать, что я скажу. Потому что, если эти... эти... — он запнулся, подбирая слово.

— Грибы, — подсказал первый мухомор. — Мы грибы. Мухоморы, если по-научному. Можно просто «высшие». Мы не обидимся.

Герхард судорожно вздохнул.

— Если эти мухоморы не исчезнут, вы, адептка, будете отвечать лично передо мной. И перед ректором. И перед советом Академии.

— Я поняла, — сказала я тихо.

— Ничего ты не поняла, — фыркнул мухомор. — Ладно, давайте уже, снимайте нас. Аккуратно только! Не оборвите ножки!

И под этот ехидный комментарий я, затаив дыхание, наблюдала, как Герхард Стронвэлд, самый страшный преподаватель боевой магии, которого я когда-либо видела, аккуратно, с неожиданной нежностью, снимает со своей мантии три ярко-красных мухомора.

Грибы при этом комментировали каждое его движение:

— Левее взял, левее! Осторожнее, ручищами своими!

— Да не тяни ты! Отрывай аккуратно!

— Ой, всё, прощай, мантия, скучать будем. Хорошая была тряпочка.

Я стояла и думала: «Вот оно. Дно. Я достигла дна».

Я ошиблась.

Дно было впереди.

Потому что когда Герхард снял последний гриб и зажал их всех в огромной ладони (они там поместились все трое и даже не пискнули), он посмотрел на меня и сказал фразу, которая разделила мою жизнь на «до» и «после»:

— Адептка Фэрстон. Поскольку вы стали причиной появления этих созданий, вы и будете за ними ухаживать. Найдете горшок, землю, будете поливать и кормить. И следить, чтобы они не орали на каждой моей лекции. И так до тех пор, пока мы не придумаем, как от них избавиться. Вопросы?

— У меня есть вопрос, — подал голос мухомор. — А кормить чем будете? Мы, между прочим, грибы привередливые. Навоз не предлагать.

Герхард закрыл глаза.

Я подумала, что сейчас, наверное, самое время провалиться сквозь землю.

Земля не провалилась.

А мухоморы довольно заерзали в ладони у профессора.

— Ну, здравствуй, нянька, — сказал тот, что поменьше, обращаясь ко мне. — Долго ты нас ждать заставила.

И я поняла: моя спокойная жизнь закончилась.

Окончательно и бесповоротно.

Глава 3

Кабинет профессора Стронвэлда я теперь изучила досконально. Каждую трещинку в каменном полу, каждый корешок на полках, каждую пылинку на тяжелых дубовых шкафах. Потому что уже полчаса я ползала по этому кабинету в поисках того, что грибы гордо именовали «достойным обиталищем».

— Ну что там? — донеслось с профессорского стола.

Грибы сидели рядом на разложенной салфетке (профессор вытащил её из ящика с таким видом, будто совершал святотатство) и напоминали трёх ворчливых старушек на лавочке.

— Ищу, — процедила я сквозь зубы, заглядывая под стол.

Под столом было чисто. Даже пыли не было. Кто вообще этот профессор — маг боевой или домовый?

— Долго ищешь, — прокомментировал верхний мухомор, тот, что покрупнее. — Мы тут засохнуть можем.

— Грибы сушат специально, — огрызнулась я, вылезая из-под стола. — Будете сушёными — в суп пойдёте.

— Грубо, — обиделся второй. — Мы, между прочим, разумные. И вообще, между прочим, жертвы твоей безответственности.

— Я жертва, — поправил третий, самый мелкий и, как выяснилось, самый философский. — Я на этой мантии родился, можно сказать. И что? Не успел пожить — уже снимают, в ладонях тискают, в салфетку заворачивают. Никакого уважения.

Профессор Стронвэлд сидел в кресле, закрыв глаза ладонью, и делал глубокие вдохи. На его столе стояла наполовину пустая кружка с чем-то, подозрительно похожим на успокоительное зелье. Откуда он его взял? У него в ящике стола запас? Я решила не уточнять.

— Адептка Фэрстон, — подал он голос, не открывая глаз. — Скажите мне честно. Это зелье. Оно может быть заразным?

— В смысле? — не поняла я.

— В смысле, эти существа могут размножаться?

Мы с грибами одновременно уставились на него.

— Слышали? — возмутился Ворчун. — Он нас за тараканов считает!

— Мы не размножаемся, — важно заявил самый большой. — Мы высшие существа. У нас духовное развитие.

— У тебя духовное развитие, — хмыкнул второй. — А у меня, между прочим, споры чешутся. Дай сюда горшок, а?

— Нет у меня горшка! — рявкнула я, вскакивая с колен. — В этом кабинете вообще ничего нет, кроме книг, оружия и каких-то странных амулетов!

Я обвела рукой пространство. И правда: кабинет профессора Стронвэлда напоминал не столько рабочее место преподавателя, сколько склад трофеев бывшего воина. На стенах висели мечи — от изящных эльфийских рапир до тяжелых двуручников, способных разрубить дракона пополам. В углу стоял манекен в доспехах, причём доспехи выглядели так, будто в них реально сражались — со вмятинами и царапинами. На полках теснились книги с мрачными названиями вроде «Анатомия тёмных созданий» и «Сто способов убить василиска голыми руками».

Но горшка не было. Даже цветка ни одного. Подозреваю, что профессор просто засушивал бы любой цветок своим суровым взглядом.

— А шлем? — подал идею третий.

— Что — шлем?

— Ну, шлем. Вон тот, кругленький, сбоку. Чем не горшок? Металлический, красивый. Нам подойдёт.

Мы с профессором одновременно посмотрели на шлем. Это был старый боевой шлем, явно выдавший виды — с глубокой вмятиной на макушке и следами от когтей на забрале.

— Это фамильная реликвия, — глухо сказал профессор.

— Тем более, — оживился первый. — Честь какая! В фамильном шлеме расти! Мы потом историческими грибами станем. Экспонатами.

— Ни за что, — отрезал профессор так, что грибы притихли.

Я вздохнула и продолжила обыск. Залезла в нижний ящик шкафа — там обнаружились стопки идеально выглаженных рубашек (кто гладит рубашки в таком количестве?) и коробка с запонками.

— Слушай, нянька, — окликнул вновь первый. — А может, ты магией попробуешь? Ну там, трансфигурацией. Преврати что-нибудь в горшок.

Я замерла. Идея была здравая. Даже очень.

— Профессор, — повернулась я к Стронвэлду. — Можно я что-нибудь трансфигурирую?

Он опустил руку от лица и посмотрел на меня усталыми глазами человека, который уже смирился с неизбежным.

— Что именно?

Я оглядела кабинет. Взгляд упал на стопку бумаг на краю стола.

— Вот это, например.

— Это мои лекции.

— А это? — я указала на пустую кружку.

— У неё ручка отломана. Будет неудобно.

— Грибам удобно! — встрял второй гриб. — Нам вообще всё равно, лишь бы грунт был!

— Тихо, — осадил его первый. — Дай человеку подумать. Она же старается, видно же.

Я почувствовала что-то странное. Кажется, грибы меня защищали? Или просто хотели побыстрее получить жильё?

— А если книгу? — спросила я, вытаскивая с полки первый попавшийся том. — «Боевые искусства древних». Толстая. Из неё хороший горшок получится.

— Это редкое издание! — профессор даже привстал.

— А грибы редкие, — парировала я. — Говорящие. Тоже, между прочим, уникальный экземпляр.

Грибы довольно зашевелились.

— Нравится нам эта девка, — заявил третий. — С характером.

— У неё язык острый, — согласился первый. — Но справедливый.

Профессор смотрел на меня так, будто я предложила сжечь Академию дотла. Потом тяжело вздохнул и махнул рукой.

— Может стоит поискать горшок в другом месте? — наконец взяв себя в руки, предложил он.

— Ага! Щаз-з-з! — протянул самый большой гриб. — Она еще часа на два запропаستится. А нам что делать? Нет! Так не пойдет! А ну сажай нас обратно на мантию! Сажай, говорю!

— Сажай! Сажай! — заскандировали они в три голоса.

— Сплошное наказание. Черт с вами! — профессор встал с кресла и небрежно подхватил грибы.

— Аккуратнее! — возмутился второй из них.

— Не рассыпайтесь! — Стронвэлд усадил их на то же место на мантии, с которого и снял.

— Идите, — сказал он.

Я не поверила своим ушам.

— Что?

— Идите, адептка. Мне нужно подумать.

— Вы меня отпускаете?

— А вы хотите остаться?

Я мотнула головой так, что чуть не свернула шею.

— Тогда идите. Но имейте в виду — это не закончилось. Я еще разберусь, что это было и кто такая Марта. И с вами мы еще встретимся.

Он сказал это таким тоном, что у меня мурашки побежали по спине. И это были не те приятные мурашки, от которых хочется улыбаться. Это были мурашки-предвестники-катастрофы.

— Я... хорошо... то есть да... я пойду...

Я попятилась. Споткнулась о котелок, который успела прихватить с собой из коридора. Подхватила его на лету (инстинкты, чтоб их) и, не оборачиваясь, рванула прочь по коридору.

За спиной я слышала только тишину. Он не пошел за мной. Не окликнул. Просто стоял и смотрел вслед.

Я добежала до поворота, влетела в Миру, которая всё это время подслушивала, прижавшись к стене, и мы обе кубарем покатались по полу.

— Ты жива?! — зашипела Мира, пытаясь выпутаться из моих рук и собственной мантии.

— Нет! — выдохнула я. — Я умерла. Я труп. Меня отчислят. Сошлют в драконьи горы. Сотрут память.

— Да ладно, — Мира приподнялась и осторожно выглянула за угол. — Смотри, он уходит.

Я тоже выглянула.

Герхард Стронвэлд действительно уходил. Он шагал по коридору своей тяжелой походкой, прямой, как палка, и за ним на полу оставалась мокрая дорожка.

Капли зелья падали с его мантии, которую он перекинул через руку, и оставляли темные следы на камне.

Это зрелище было таким сюрреалистичным, таким нелепым, что я вдруг истерически хихикнула.

— Тебе смешно? — удивилась Мира. — Ты только что облила нового преподавателя! Он теперь мокрый и вонючий! А ты смеешься!

— Я не смеюсь, — я зажала рот рукой. — Я в истерике.

— А выглядит одинаково.

Мы обе смотрели, как Герхард доходит до конца коридора, сворачивает и исчезает из виду. Мокрая дорожка осталась. И запах. Запах остался тоже.

— Слушай, — сказала Мира, приносясь. — А от тебя тоже пахнет.

— Что?

Я понюхала свою мантию. И правда. Пахло. Тем самым, болотно-тухлым букетом.

— Это когда я за ним бежала, наверное, — пробормотала я. — Или когда котелок поднимала.

— Ты теперь тоже воняешь, — констатировала Мира с каким-то даже удовлетворением. — Мы обе воняем.

— Ты вообще мимо проходила! — возмутилась я. — Ты должна была на стреме стоять, а не вонять!

— Я на стреме и стояла, — обиделась Мира. — Между прочим, это я тебя предупредила, что шаги. А ты не проверила.

— Какая разница! — я вскочила на ноги. — Мне конец. Ты видела, как он на меня смотрел?

— Видела, — кивнула Мира, тоже поднимаясь. — Страшно.

— Он меня убьет.

— Не убьет. Он же преподаватель. Преподавателям нельзя убивать студентов. Это в уставе написано.

— Он найдет способ.

Мы обе замолчали, обдумывая мое безрадостное будущее.

— Слушай, — вдруг оживилась Мира. — А может, обойдется? Ну, подумаешь, мокрый. Подумаешь, воняет. Высохнет, проветрится. Может, он даже не запомнил твое лицо?

— Он назвал меня по имени. Да где тут лицо забыть?!

— Ой.

— Вот тебе и «ой».

Я подняла котелок и заглянула внутрь. На дне осталось немного зелья. Зеленоватая лужица мерцала в свете магических светильников.

— Надо Марте показать, — сказала я. — Пусть объяснит, что это вообще такое и как это смывать.

— А Марта не рассердится, что ты её экспериментальное зелье на преподавателя вылила?

— Марта — добрая душа. Она войдет в положение.

Мира посмотрела на меня с сомнением, но спорить не стала.

— Пошли, — сказала она. — Только давай через черный ход. А то от нас несет так, что даже призраки разбегутся.

Мы двинулись в сторону черной лестницы.

По дороге я всё время оглядывалась на мокрую дорожку, оставленную Герхардом. Она тянулась по всему коридору, исчезая за поворотом, и выглядела как след улитки-переростка.

Или как след моей погубленной карьеры.

— Дарсия, — позвала Мира, когда мы уже спускались по лестнице. — А что ты ему сказала? Ну, когда он спросил, зачем ты это сделала?

— Правду, — вздохнула я. — Про Льюиса и конспекты.

— И что он?

— Ничего. Смотрел так, будто я пустое место.

— Это плохо, — авторитетно заявила Мира. — Когда орут — это нормально. Значит, выплеснули эмоции и успокоились. А когда молчат — это они внутри план мести вынашивают.

— Спасибо, утешила.

— Я всегда пожалуйста.

Мы вышли во внутренний дворик. Солнце светило, птички пели, где-то смеялись студенты. Нормальная жизнь шла своим чередом. И только мы с Мирой, две вонючие заговорщицы, крались по тенистой стороне, мечтая только об одном: чтобы никто не подошел близко.

— Знаешь, — философски заметила Мира, когда мы обходили компанию первокурсников (те сморщили носы и оглянулись, но, слава богам, не узнали нас), — могло быть хуже.

— Куда уж хуже?

— Ну, мог бы оказаться ректор.

Я задумалась.

— А ведь правда. Ректор бы меня сразу отчислил.

— Или призрак какого-нибудь древнего мага.

— Или дракон. Драконы, говорят, обидчивые.

— Или твоя мама.

— Мира!

— Ладно-ладно, молчу.

Мы подошли к общежитию и на цыпочках прокрались внутрь. В холле сидела комендантша, старая гримла, которая чуяла нарушения за версту. Она подняла голову и принялась.

— Чем это пахнет? — подозрительно спросила она.

— Это мы! — выпалила Мира. — У нас лабораторная по зельеварению. Неудачная. Комендантша поморщилась.

— Идите проветривайтесь. Чтобы к вечеру от вас нормально пахло.

— Обязательно, — пообещала я и втащила Миру на лестницу.

В комнате мы первым делом открыли окна. Потом я переоделась, замотала вонючую мантию в тряпку и засунула в магический карман под кровать. Потом мы обе умылись с мылом.

— Помогло? — спросила Мира, принюхиваясь к себе.

— Немного.

— А от тебя всё равно несет.

— И от тебя.

— Давай ещё мыла.

Мы намылились по второму кругу.

В дверь постучали.

— Кто там? — напряглась я.

— Марта. Вы меня искали?

Я распахнула дверь.

На пороге стояла Марта — высокая, худощавая, с копной кудрявых волос и вечно отсутствующим взглядом гения. Она была в лабораторном фартуке, перепачканном чем-то фиолетовым, и держала в руках пробирку с дымящейся жидкостью.

— Мне Мира передала, что срочное дело, — сказала она, входя. — Что случилось? Вы чего такие...

Она принюхалась и поперхнулась.

— Чем это от вас разит?

— Твоим зельем, — мрачно сказала я. — Тем самым, которое у тебя не получилось.

Марта уставилась на меня.

— Вы его сварили?

— Да.

— И на кого-то вылили?

Я замялась.

— На преподавателя.

Марта побледнела.

— На какого?

— На нового. Герхарда Стронвэлда. С боевого факультета.

Пробирка в руках Марты жалобно звякнула. Жидкость внутри перестала дымиться и как-то обреченно зашипела.

— Дарсия, — сказала Марта очень тихо. — Ты понимаешь, что ты наделала?

— Понимаю. Поэтому я здесь. Нужно противоядие.

Марта села на мою кровать. Сделала глубокий вдох. Выдох.

— Противоядия нет.

— Что значит «нет»?

— То значит. Это экспериментальное зелье. Я его варила для себя. Чтобы волосы пахли розами. Но что-то пошло не так.

— Что именно пошло не так?

Марта замялась.

— Я сразу не записала точный состав. И пропорции. А когда вспомнила, то уже половину забыла. И вообще, это было спонтанно. Я не думала, что кто-то будет это использовать.

Я закрыла глаза.

— То есть ты хочешь сказать, что я только что облила преподавателя зельем, состав которого ты не помнишь, и противоядия от него не существует?

— Ну да, — кивнула Марта. — Примерно так.

— Марта! — взвыли мы с Мирой хором.

— Я же не думала! — возмутилась она. — Я вообще не планировала, что это зелье куда-то попадет, кроме моих волос! И потом, если бы вы его не варили...

— Мы варили по твоему рецепту! — перебила я.

— По какому? Я его никому не давала.

Мы с Мирой переглянулись.

— Мне дала Лиззи, — медленно сказала я. — Сказала, что это твой рецепт. Что ты разрешила.

Марта нахмурилась.

— Лиззи? Которая с травологического?

— Да.

— Я ей ничего не давала. И вообще, мы с ней не общаемся после того случая с кактусами. Я почувствовала, как внутри закипает новая волна злости.

— То есть меня кто-то подставил?

— Получается, что так, — кивнула Марта. — Тебе дали фальшивый рецепт.

— Льюис, — прошептала я. — Это Льюис.

— Почему Льюис? — не поняла Мира.

— Потому что Лиззи с ним дружит. Вернее, бегают за ним хвостиком. Он мог попросить её передать мне этот рецепт. Знал, что я захочу отомстить. И подстроил всё так, чтобы я вляпалась.

— А если бы ты не вляпалась? — спросила Мира.

— Он надеялся, что вляпаюсь. И я вляпалась.

Я села на кровать рядом с Мартой.

Картина вырисовывалась безрадостная. Льюис не просто испортил мои конспекты. Он спланировал всё так, чтобы я, пытаясь отомстить, сама себя наказала. И я попала. Как последняя дура.

— Что теперь делать? — спросила Мира.

— Искать противоядие, — сказала я. — Марта, ты должна вспомнить состав.

— Я попробую, — пообещала она. — Но это может занять время.

— Сколько?

— Неделя. Две. Может, месяц.

— Месяц?!

— Ну, я же говорила — экспериментальное.

Я закрыла лицо руками.

За окном всё так же светило солнце. Птички пели. Где-то смеялись студенты.

А я сидела в комнате, пропахшей болотной вонью, и понимала, что моя жизнь только что превратилась в ад.

И виной всему был один человек.

Льюис Лартерон.

Я подняла голову и посмотрела на стену перед собой. Там висело расписание занятий. Завтра утром лекция по теории магии. Та самая, на которую Льюис обязательно придет.

— Дарсия, — осторожно позвала Мира. — Ты чего?

— Думаю.

— О чем?

— О том, что Льюису это просто так не сойдет.

Мира охнула.

— Ты же не собираешься снова...

— Нет. — Я покачала головой. — В этот раз я буду умнее.

— И что ты сделаешь?

Я посмотрела на неё.

— Пока не знаю. Но что-нибудь придумаю.

Марта и Мира переглянулись.

— Нам это не нравится, — сказала Мира.

— Мне тоже, — честно призналась я. — Но сидеть сложа руки я не буду.

В комнате повисла тишина.

Где-то вдалеке прозвенел колокол, оповещающая о начале следующей пары. Но нам сейчас было не до пар.

У нас было другое дело.

Выжить.

И отомстить.

Но для начала — выжить.

Глава 4

Ночь я провела ужасно.

Во-первых, от меня всё еще пахло. Мы с Мирой перемыли всю комнату, открыли все окна, сожгли ароматическую палочку (одолженную у соседей), но запах никуда не делся. Он вьелся в одежду, в волосы, кажется, даже в кожу.

Во-вторых, я не могла уснуть, потому что стоило закрыть глаза, и передо мной возникало лицо Герхарда Стронвэлда. Каменное. Пустое. С мокрым пятном на мантии.

В-третьих, Марта так и не вспомнила состав зелья. Она прислала сову с запиской глубоко за полночь: «Попробую восстановить по формулам. Нужно время. Держись».

«Держись». Легко сказать.

Утром я встала разбитая, злая и всё еще слегка вонючая. Пришлось полить себя любительскими духами Тильды (такой концентрации «розовой воды», что глаза слезились), чтобы перебить остатки аромата.

— Ты как? — спросила Мира, с сочувствием глядя на мои синяки под глазами.

— Как смерть, — честно ответила я. — Только менее свежая.

— Может, не пойдешь на пару?

— И пропущу лекцию Стронвэлда? — горько усмехнулась я. — Ни за что. Я должна знать, с чем иду к ректору.

— Думаешь, он пожалуется?

— Я думаю, он меня убьет. Но перед этим, возможно, пожалуется.

Мы собрались и поплелись в главный корпус.

Утро было солнечным, тёплым, совершенно не соответствующим моему внутреннему состоянию. Птички щебетали, студенты смеялись, кто-то даже напевал веселую песенку. Я смотрела на всё это с мрачным удовлетворением человека, который точно знает, что райское утро закончится адской лекцией.

— Дарсия! — окликнул меня кто-то сзади.

Я обернулась. Ко мне бежала Лиззи с травологического факультета. Та самая, которая передала мне рецепт.

— Привет! — запыхавшись, выпалила она. — Слышала, ты вчера отличилась?

Я прищурилась.

— Откуда ты слышала?

— Ну... — Лиззи замялась. — Слухи ходят. Говорят, ты на нового преподавателя зелье вылила.

— Интересно, от кого могли пойти такие слухи? — спросила я максимально невинным тоном.

Лиззи отвела глаза.

— Понятия не имею. Само как-то...

— Лиззи, — я шагнула к ней ближе. — Рецепт, который ты мне дала... Это ведь была подстава, да?

Она побледнела.

— Я не знаю, о чем ты...

— Льюис попросил?

Лиззи молчала, но её лицо говорило само за себя.

— Слушай, — зашептала она, оглядываясь. — Я не хотела, чтобы так вышло. Честно. Льюис сказал, что это просто шутка. Что зелье безобидное. Что ты посмеешься и всё.

— Я посмеялась, — криво усмехнулась я. — Очень смешно. Теперь у меня проблемы с преподавателем.

— Я не знала, — Лиззи выглядела искренне расстроенной. — Правда. Если бы я знала...

— Что? Не дала бы рецепт?

— Ну... Наверное.

Я вздохнула.

— Ладно. Поздно теперь. Но имей в виду: если ректор спросит, откуда у меня рецепт, я назову твое имя.

Лиззи побелела еще сильнее.

— Дарсия!

— Расслабься. Если назову твое, придется назвать и Льюиса. А ему это вряд ли понравится.

Я развернулась и пошла дальше, оставив Лиззи стоять в коридоре с открытым ртом.

— Ты жестока, — заметила Мира, догоняя меня.

— Я справедлива. Она знала, что делала.

— Думаешь, знала?

— Думаю, Льюис ей мозги запудрил. Но это не отменяет того факта, что она передала мне левый рецепт.

Мы подошли к аудитории номер семнадцать — той самой, где должна была проходить лекция по боевой магии. У дверей уже толпились студенты. Нашего курса. И все они выглядели странно.

Возбужденно, что ли?

— Чего это они? — насторожилась Мира.

— Не знаю. — Я попыталась пробраться поближе, чтобы понять, в чем дело.

— ...я своими глазами видела! — щебетала какая-то девчонка с первого ряда. — Он заходил в преподавательское крыло, и у него на мантии были ГРИБЫ!

— Да ну, — недоверчиво фыркнул парень рядом. — Грибы на мантии. Скажешь тоже.

— Честное слово! Красные такие! Мухоморы!

Я похолодела.

— Дарсия, — прошептала Мира. — Ты слышишь?

— Слышу, — выдохнула я.

— Но грибы? Откуда грибы?! Неужели он не избавился от них?

Я не успела ответить, потому что дверь аудитории распахнулась, и на пороге появился ОН.

Герхард Стронвэлд.

В мантии.

На мантии, на груди, на рукавах, на плечах — везде, куда вчера попало зелье, теперь красовались ярко-красные пятна, сверху которых восседали мухоморы.

Та сама троица. Разного размера. Они торчали из ткани, шевелились и смотрели.

Смотрели на нас.

Всеми своими грибными глазками.

В аудитории повисла абсолютная тишина.

Герхард прошел к своему столу. Шел он, как обычно, тяжелой, уверенной походкой. И чем ближе он подходил, тем отчетливее мы видели эту картину.

Мухоморы на его мантии. Живые. Шевелящиеся.

— Садитесь, — сказал Герхард ровным голосом.

Никто не сел. Все стояли с открытыми ртами.

— Я сказал: садитесь, — повторил он.

И тут один из мухоморов — тот, что сидел на правом плече, самый крупный — открыл рот.

Буквально.

На его красной шляпке прорезались крошечные глазки, ниже обозначился рот, и этот рот произнес:

— О, а народ-то подтянулся! Здравсьте вам!

Тишина стала абсолютной. Кажется, даже птицы за окном перестали петь.

— Чего рты раскрыли? — продолжил мухомор. — Садитесь давайте, не маячьте. И так в глазах рябит от ваших кислых лиц.

— Это... Это кто? — пискнул кто-то с заднего ряда.

— А мы грибы, — ответил второй мухомор, тот, что сидел на груди. — Мухоморы. Критики, если по-научному. Будем вас оценивать.

— Критики? — переспросила Мира.

— Ну да. — Третий мухомор, примостившийся на рукаве, покосился на неё. — Внешность, поведение, манеру речи. Всё будем комментировать. Так что готовьтесь.

Герхард стоял у стола с каменным лицом. Но я, кажется, заметила, как дернулся его глаз.

— Итак, — начал он, стараясь не обращать внимания на происходящее. — Тема сегодняшней лекции — защитные заклинания первого уровня. Откройте конспекты...

— Ой, какие мы деловые, — перебил мухомор на плече. — С утра уже заклинания, конспекты. А сам даже причёску не причёсал!

Я замерла.

Мухомор продолжал:

— Смотрите на него, люди добрые! Ёжик на голове! Хоть бы расческой провел раз в жизни. Нет, он думает, что если мышцы есть, то волосы сами уложатся.

Кто-то из студентов хихикнул. Герхард медленно повернул голову к мухомору.

— Молчать, — сказал он тихо.

— Ишь какой! — возмутился гриб. — Молчать ему! А кто нам будет правду в глаза говорить? Ты? Так ты молчишь, как рыба об лёд. Вот мы и говорим. За себя и за тебя.

— Я веду лекцию, — процедил Герхард.

— А мы не мешаем, — встрял второй мухомор. — Мы комментируем. Это разные вещи. Вот ты сейчас идешь к доске... — Герхард действительно сделал шаг к доске. — Идешь-идешь... Ноги-то кривые!

В аудитории раздался сдавленный смех.

У Герхарда ноги были не кривые. Совсем. Но мухомору, видимо, было всё равно.

— А туда же — вышагивает! — подхватил третий. — Солидный из себя, важный. А мантия в грибах! В грибах, я говорю!

— Это мы грибы, — напомнил первый.

— Ну и что? Мы на мантии. Значит, мантия в грибах. Логично?

— Логично.

Они начали переговариваться между собой, забыв про Герхарда. Тот стоял у доски с мелом в руке и, кажется, считал до десяти.

— Так, — сказал он наконец. — Замолчите.

— А то что? — полюбопытствовал мухомор.

— А то я вас... — Герхард запнулся, видимо, не зная, что можно сделать с говорящими грибами.

— Что? Снимешь? Так сними. Мы не против. Только куда денешь?

— В горшок посажу.

Грибы переглянулись.

— В горшок? — переспросил один.

— С землей? — уточнил второй.

— И поливать будешь? — добавил третий.

Герхард молчал.

— А это идея! — оживился первый. — Горшок, земля, уход... Мы согласные!

— Да мы всегда мечтали! — подхватил второй. — На мантии-то неудобно. Ткань колючая, качает постоянно...

— И не покушаешь, — пожаловался третий. — Мы же грибы, нам питание нужно. Только вчера горшок-то не нашли...

— Да, — подтвердил второй, — не нашли...

Герхард закрыл глаза.

Студенты уже откровенно давились смехом. Кто-то уткнулся в конспект, кто-то закрыл лицо руками, но плечи у всех тряслись.

Я сидела ни жива, ни мертва.

— Итак, — Герхард открыл глаза и заставил себя вернуться к лекции. — Защитные заклинания. Первый уровень. Кто может назвать базовое заклинание от огненных шаров?

Тишина.

— Щит, — подсказал мухомор с плеча. — Щит называется. Ну ты, начальник, даешь. Сам учишь, сам не знаешь?

— Я знаю, — сквозь зубы процедил Герхард. — Я проверяю знания студентов.

— А чего проверять, если они молчат как рыбы? — удивился мухомор. — Вон та, рыжая, — он ткнул в мою сторону. — Дарсия, кажется. Чего молчишь? Щит, скажи, не ошибись.

Я подпрыгнула на месте.

— Э-э-э... щит?

— Правильно! — обрадовался мухомор. — Молодец, рыжая. Пятерку ей, начальник.

Герхард посмотрел на меня. В его взгляде читалось: «Это всё ты. Ты это сделала. Я знаю».

Я вжала голову в плечи.

— Продолжим, — сказал Герхард. — Второй уровень защиты. Кто помнит разницу между щитом и куполом?

— Купол он на всех ставит, а щит только на себя, — выдал мухомор. — И расход магии разный. Ты бы, начальник, объяснял понятнее. А то бубнишь под нос, ничего не слышно.

— Я не бубню.

— Бубнишь-бубнишь. Вон у тебя дикция хромает. И жестикуляция никакая. Руками не машешь, стоишь как столб.

— Я преподаватель, а не актер.

— А надо бы и тем, и другим. Студентам скучно. Видишь, вон те двое на заднем ряду уже спят?

Мы все обернулись. На заднем ряду действительно дремали двое парней.

Герхард щелкнул пальцами. Парни подскочили.

— Спасибо, — сказал Герхард мухомору таким тоном, будто благодарить было выше его сил.

— Обращайся, — кивнул гриб.

Лекция продолжалась в том же духе.

Мухоморы комментировали всё.

Внешность студентов: «А эта в синем платье что нацепила? Стирала, что ли, плохо? Пятно на подоле». Поведение: «Вон тот, с галстуком, всё время руку тянет, а сам ничего не знает. Вскочка». Ответы: «Неправильно, милая, неправильно. Учебник открой, там на двадцатой странице всё написано».

Герхард пытался их перекрикивать, но где там. Грибы оказались громкими. Очень громкими.

К концу пары у всех болела голова. У меня — особенно.

Когда прозвенел звонок, студенты вылетели из аудитории быстрее, чем от стаи разъяренных драконов.

Я попыталась улизнуть вместе со всеми, но у двери меня нагнал голос Герхарда:

— Адептка Фэрстон. Задержитесь.

Я замерла. Мира бросила на меня полный ужаса взгляд и исчезла в коридоре. Предательница.

Я медленно обернулась.

Герхард стоял у стола. Мухоморы на его мантии с интересом меня разглядывали.

— Та самая? — спросил один.

— Она, — подтвердил Герхард.

— Хорошая девочка, — одобрил мухомор. — Глаза умные. И цвет волос нам подходит.

Рыжий, как мы.

— Она причина вашего появления, — напомнил Герхард.

— Ну и что? Мы не жалуемся. Наоборот, интересно. Говорящие грибы — это ж редкость.

Мы теперь уникальные.

— Вы — проблема, которую нужно решить.

— А мы не против, чтобы нас решили. В горшок, например. Только в этот раз ищите быстрее. И пока не найдете, мы с мантии никуда!

Герхард глубоко вздохнул.

— Адептка Фэрстон, — сказал он, глядя на меня. — Вы видели, что произошло?

Я кивнула.

— Это ваше зелье?

— Да, — признала я. — Но я не знала, что оно так подействует. Честно. Марта...

— Марта будет наказана отдельно. Сейчас речь о вас.

Я сглотнула.

— Я готова понести наказание.

— Какое?

Я задумалась.

— Отчисление? — предположила я.

— А хотите?

— Не очень.

— Вот и я не хочу, чтобы меня считали преподавателем, который избавляется от студентов из-за глупой случайности. — Он помолчал. — Но и оставлять это просто так нельзя.

— Что вы предлагаете?

Герхард посмотрел на мухоморов. Те с интересом прислушивались к разговору.

— Они говорят, что хотят в горшок.

— Ну да, — подтвердил мухомор. — С землей. И уходом. Мы ж грибы, нам расти надо.

— Значит, — Герхард перевел взгляд на меня, — как я и говорил ранее, вы будете за ними ухаживать.

Я моргнула.

— Что?

— Вы меня слышали. Найдете горшок, землю, будете поливать, кормить и всё такое. И следить, чтобы они не орали на моих лекциях.

— Но как я могу заставить их молчать, если они...

— А вот это уже ваша проблема, адептка. Вы их создали — вам и разбираться.

Мухоморы захихикали.

— Нянька! — пропел один. — У нас будет нянька!

— Рыжая нянька, — подхватил второй.

— Красивая, — неожиданно добавил третий.

Я почувствовала, что краснею.

— Когда... Когда нужно приступить? — спросила я обреченно.

— Прямо сейчас. Вот вам мантия. Идемте в мой кабинет, будем решать, как их снять. И не как вчера, а будем думать гораздо обстоятельнее.

Герхард направился к выходу. Мухоморы на его мантии покачивались в такт шагам и довольно переговаривались:

— Новая жизнь начинается!

— Горшок, земля, солнце...

— И нянька рыжая. Красота!

Я поплелась за ними, чувствуя себя приговоренной к пожизненным работам.

В коридоре на нас таращились студенты. Я ловила на себе сочувствующие взгляды и злорадные ухмылки. Льюиса, к счастью, не было видно. Иначе я бы, наверное, не сдержалась.

В кабинете Герхард закрыл дверь и повернулся ко мне.

— Итак. Как будем их снимать?

— Аккуратно, как вчера, — посоветовал мухомор. — За ножку тянуть, не спеша. А то оборвете — мы зачихнем.

Герхард посмотрел на меня.

— Вы будете снимать.

— Почему я?!

— Потому что это вы их создали. И если что-то пойдет не так, отвечать вам.

Я вздохнула и подошла ближе.

Мухоморы смотрели на меня с любопытством.

— Ну, давай, рыжая, — подбодрил один. — Не дрейфь. Мы не кусаемся.

— Мы вообще беззубые, — добавил второй.

— Но ворчим хорошо, — закончил третий.

Я протянула руку к самому крупному грибу на плече.

— Аккуратнее, — пискнул он, когда я коснулась его ножки. — Теплая какая... Приятно.

Я осторожно потянула. Гриб поддался легко, с легким хлюпающим звуком отделившись от ткани.

— Ух ты! — восхитился он, оказавшись у меня на ладони. — Свобода! Воздух! Дышится как!

— Клади его на стол, — скомандовал Герхард. — Следующий.

Я сняла второго, потом третьего. Грибы ворчали, комментировали мои действия («Левее бери, левее!») и вообще вели себя так, будто это они мне одолжение делают, разрешая себя снимать.

Когда все мухоморы оказались на столе, Герхард с облегчением выдохнул.

— Так, — сказал он. — Теперь надо найти, во что их посадить.

— В горшок, — хором напомнили грибы.

— Знаю, что в горшок. — Герхард прошел к шкафу и вытащил оттуда обычный глиняный цветочный горшок, которого там вчера точно не было (я обыскала все!). Среднего размера, с дырочкой на дне.

— А ничего так, — одобрил мухомор. — Простенько, но со вкусом.

— Земля есть? — спросил второй.

Герхард помолчал.

— Землю придется искать.

— Вон во дворе накопать можно, — подсказал третий. — Мы не гордые.

Я смотрела на эту картину и не верила своим глазам. Самый суровый преподаватель боевой магии, о котором ходили легенды (говорили, он одним взглядом может превратить дракона в пепел), сейчас стоял и обсуждал с тремя мухоморами, какая земля им нужна.

— Адептка Фэрстон, — Герхард повернулся ко мне. — Идите копать землю.

— Сейчас?

— Нет, через год. Конечно, сейчас. Или вы хотите, чтобы эти... Эти... — он запнулся.

— Грибы, — подсказал мухомор в очередной раз.

— Чтобы эти грибы остались у меня на столе до вечера?

Я вздохнула и направилась к выходу.

— И горшок захватите! — крикнул мухомор. — И не забудьте на дно камешков положить, для дренажа!

— Откуда ты знаешь про дренаж? — удивился второй.

— А я гриб образованный. Книжки читал. Пока на мантии висел, много чего услышал.

— Т там сутки провел! — возразил второй.

— И что? Мне хватило может быть.

Я вышла из кабинета с горшком в руках, чувствуя себя главной героиней абсурдного театра.

В коридоре меня ждала Мира.

— Ну что? — выдохнула она. — Жива?

— Жива, — мрачно ответила я. — Но теперь у меня есть работа.

— Какая?

— Нянькой у грибов.

Мира уставилась на горшок в моих руках.

— Это те самые?

— Те самые. Теперь я буду за ними ухаживать. Поливать, кормить и следить, чтобы они не орали на лекциях.

— И как, получится?

Я посмотрела на горшок. Потом на дверь кабинета, за которой остались три говорящих мухомора и преподаватель с каменным лицом.

— Понятия не имею, — честно сказала я. — Но выбора у меня нет.

— Дарсия, — Мира положила руку мне на плечо. — Только не убивайся. Могло быть хуже.

— Куда уж хуже?

— Ну... Они могли оказаться поганками. А они куда хуже мухоморов.

Я невольно улыбнулась.

— Иди ты.

— А что? Поганки — это совсем неприлично. А мухоморы — красивые. Красненькие такие. Симпатичные.

— Они ещё и говорят, Мира. И комментируют всё подряд.

— О, — Мира задумалась. — А это да, проблемно.

— Вот именно.

Я вздохнула и направилась к выходу из академии — копать землю для трёх говорящих грибов.

Моя жизнь определенно свернула куда-то не туда.

Но отступать было поздно.

Глава 5

Я никогда не думала, что буду мечтать провалиться сквозь землю прямо во время лекции.

Раньше мои мечты о проваливании сквозь землю ограничивались моментами, когда я отвечала у доски и забывала элементарные вещи. Или когда Льюис подкладывал мне кнопки на стул. Или когда я случайно называла преподавателя «мамочкой» (было такое один раз, до сих пор стыдно).

Но то, что происходило сейчас, побивало все рекорды.

А начался мой день сегодня с того, что я пришла на лекцию по боевой трансфигурации с тяжёлым сердцем и с ещё более тяжёлым горшком в руках.

Да-да. Горшок с мухоморами я теперь таскала с собой.

Потому что Герхард, вручая мне это «сокровище» вчера вечером, сказал буквально следующее:

— Адептка Фэрстон. Эти создания — ваша ответственность. Если они останутся у меня в кабинете, они мне всю ауру испортят своим ворчанием. Если оставить их в общежитии — они будут мешать вам и вашим соседям. Значит, они будут везде, где вы. На лекциях, в столовой, в библиотеке. Чтобы вы прочувствовали всю полноту ответственности.

— Но профессор! — попыталась возразить я. — Как я буду носить их на лекции? Это же неудобно!

— А вы хотели, чтобы было удобно? — приподнял бровь Герхард. — Вы облили меня экспериментальным зельем. Вы создали говорящие грибы. И теперь хотите, чтобы было удобно?

Я заткнулась.

Мухоморы, кстати, идею оценили.

— Носильщица у нас будет! — обрадовался Ворчун (я уже начала их различать: самый крупный и наглый — Ворчун, тот, что поменьше и постоянно ноет — Скрипуля, а самый мелкий и иногда добрый — Молчун, хотя имя своё он не оправдывал, потому что молчал реже всех).

— Красота! — подхватил Скрипуля. — Будем путешествовать! Академию посмотрим, студентов поизучаем.

— Только не урони нас, рыжая, — добавил Молчун. — А то рассыплемся.

И вот теперь я сидела на лекции, держа на коленях тяжёлый глиняный горшок, из которого торчали три ярко-красных мухомора и вертели головами по сторонам.

— О, а тут ничего так, — комментировал Ворчун, оглядывая аудиторию. — Стульчики удобные, доска чистая. И студентов много. Будет кого критиковать.

— Только тише, — взмолилась я шёпотом. — Пожалуйста. Хотя бы на этой лекции.

— А чего тише? — удивился Скрипуля. — Мы грибы свободные. Имеем право голоса.

— Имеете, — согласилась я. — Но если профессор Стронвэлд нас выгонит...

— Не выгонит, — отмахнулся Молчун. — Он добрый. Просто прикидывается злым.

Я хмыкнула. Добрый? Герхард Стронвэлд? С его каменным лицом и бицепсами, которые рвут мантию? Сомнительно.

В аудиторию как раз вошёл Герхард.

И сразу стало тихо.

Не потому, что студенты испугались (хотя и поэтому тоже), а потому, что все уставились на него и на его мантию.

Мантия сегодня была чистой. Ни одного пятна, ни одной складочки. Герхард явно постарался.

Но мухоморов на ней не было. Они были у меня.

Герхард окинул взглядом аудиторию, задержался на мне (и на горшке) и едва заметно кивнул.

Я выдохнула. Кажется, пронесло.

— Итак, — начал Герхард своим низким голосом. — Тема сегодняшней лекции — боевая трансфигурация. Базовые принципы превращения неживых объектов в оружие.

Он подошёл к доске и взял мел.

— Трансфигурация отличается от обычной магии тем, что вы не создаёте что-то из ничего, а изменяете структуру существующего предмета. Например, вы можете превратить этот мел... — Он поднял мел повыше, демонстрируя его аудитории. — ...в метательный нож.

В аудитории повисла тишина. Все смотрели на мел.

Герхард сосредоточился. Мел в его руке начал меняться — вытягиваться, заостряться, темнеть...

— А чего это он так долго колдуется? — раздался громкий шёпот.

Я замерла.

Это был Ворчун.

— Вон прошлый раз быстрее как-то получалось, — продолжил он. — Или это я путаю? Скрипуля, ты помнишь?

— Помню, — отозвался Скрипуля. — В прошлый раз он карандаш в стилет превращал. Тоже долго возился. А потом стилет сломался.

— Не сломался, а трансформировался обратно, — поправил Молчун. — Я видел. Просто магии не хватило.

— Магии ему не хватило, — хмыкнул Ворчун. — А мышц — завались. Качается, качается, а магию качать забывает.

Герхард замер с полупревращённым мелом в руке.

Аудитория затаила дыхание.

Я вжала голову в плечи.

— Адептка Фэрстон, — голос Герхарда звучал ровно, но я кожей чувствовала исходящую от него опасность. — Потрудитесь объяснить вашим подопечным, что на лекциях принято молчать.

Я открыла рот, но Ворчун меня опередил:

— А чего сразу рыжая? Мы сами по себе. Она нас создала, но не контролирует. Мы свободные грибы!

— Свободные, — подтвердил Скрипуля. — Имеем право голоса.

— И мнения, — добавил Молчун.

Герхард медленно положил мел на стол. Полупревращённый ножик жалобно звякнул.

— Итак, — сказал он, глядя прямо на меня. — Продолжим.

Он вернулся к доске и начал писать формулу превращения.

— Основная сложность трансфигурации — удержание формы. Объект постоянно стремится вернуться в исходное состояние. Поэтому важно...

— Писать красиво, — встрял Ворчун. — А то у него почерк как у курицы лапой. Вон, закорючка какая-то, а не буква.

— Где? — заинтересовался Скрипуля, пытаясь разглядеть доску из горшка.

— Вон там, в углу. Это ж «а» или «о»? Не поймёшь.

— Действительно, коряво, — согласился Молчун. — Надо бы ему пропись купить. Для первоклассников.

Кто-то из студентов фыркнул. Фыркание быстро переросло в сдавленный смех.

Герхард продолжал писать, игнорируя комментарии. Но я видела, как напряглась его спина.

— А ничего он держится, — одобрил Ворчун. — Кремень. Не пробить.

— Пробить можно, — возразил Скрипуля. — Только долго. И громко.

— А мы никуда не спешим, — философски заметил Молчун. — Мы грибы. Наше дело расти и ворчать.

Я закрыла лицо рукой.

— Итак, — Герхард закончил писать и повернулся к аудитории. — Кто может привести пример успешной боевой трансфигурации из истории?

Лес рук. Все хотели блеснуть знаниями.

Герхард обвёл взглядом аудиторию и остановился на Льюисе.

— Адепт Лартерон. К доске.

Я внутренне возликовала. Сейчас Льюис опозорится — и поделом ему.

Льюис встал, поправил идеальный галстук и вышел к доске с видом человека, который сейчас всех уделает.

— Из истории, — начал он, — известен случай, когда маг Эльдор Третий превратил осадное орудие врага в гигантского паука и обратил его против армии противника.

Герхард кивнул.

— Верно. А какие сложности возникли у мага при этой трансфигурации?

Льюис задумался.

— Ну... Паук оказался слишком большим? Или, может быть, магии не хватило?

— Неправильно, — раздалось с моего горшка.

Все обернулись.

Ворчун смотрел на Льюиса с выражением глубочайшего презрения.

— Сложность была в том, что паук оказался плохо управляемым, потому что маг не учёл инстинкты членистоногого. Паук сначала напал на самого мага, и тому пришлось срочно превращать его обратно. А ты, умник, даже этого не знаешь. И кого ты нам привёл, начальник? — обратился он к Герхарду. — Это ж дурак дураком.

В аудитории повисла мёртвая тишина.

Льюис побагровел.

— Что вы сказали? — процедил он.

— Я сказал: дурак дураком, — повторил Ворчун с удовольствием. — Не слушаешь лекции, не читаешь учебники, а туда же — руку тянет. И галстук у тебя дурацкий. Слишком яркий.

— И причёска, — добавил Скрипуля. — Скользко блестит. Наверное, маслом мажет.

— А зубы? — подключился Молчун. — Белые, ровные. Небось, магией отбеливал. Неестественно.

Льюис побагровел ещё сильнее и стал похож на перезрелый помидор.

— Заткнитесь! — рявкнул он.

— Ой, какие мы грозные, — хмыкнул Ворчун. — А сам-то кто? Студент, который даже простейшей трансфигурации не знает. Иди садись, не позорься.

— Да я тебя! — Льюис шагнул к горшку.

— Адепт Лартерон, — голос Герхарда прозвучал как гром среди ясного неба. — На место.

Льюис замер.

— Но они...

— На место, я сказал.

Льюис, кипя от злости, вернулся за парту.

— Благодарю за дополнение, — сухо сказал Герхард, обращаясь к Ворчуну. — Но в следующий раз, пожалуйста, воздержитесь от комментариев во время ответов студентов.

— А если они неправильно отвечают? — возмутился Ворчун.

— Тогда их буду поправлять я.

— А ты медленно поправляешь, — заметил Скрипуля. — Мы быстрее.

— И точнее, — добавил Молчун.

Герхард закрыл глаза. На секунду. Когда он их открыл, в них читалась глубочайшая усталость.

— Продолжим, — сказал он. — Следующий вопрос. Практическая часть.

Он подошёл к столу, на котором лежали различные предметы — камни, деревяшки, металлические пластины.

— Сейчас каждый из вас попробует превратить вот этот камень... — он взял небольшой булыжник, — ...в метательный снаряд. По очереди.

Студенты зашевелились. Все хотели попробовать.

Первой вызвали Миру. Она подошла к столу, сосредоточилась, и камень слегка изменил форму. Стал чуть более округлым.

— Неплохо, — кивнул Герхард. — Но мало. Нужно больше концентрации.

— Ага, больше, — пробормотал Ворчун. — И магии. И мозгов. А так, да, неплохо для начала.

Мира покосилась на горшок, но промолчала.

Следующим вызвали еще одного парня с заднего ряда. Он так старался, что камень не просто изменил форму, а подпрыгнул на столе и упал на пол.

— Упс, — сказал Скрипуля. — Промахнулся. Но старался, молодец. Четвёрку можно поставить. За усердие.

Парень заулыбался.

— А ты чего лыбишься? — одёрнул его Молчун. — Камень на полу, а не в руке. Иди подними.

Дошла очередь до Льюиса.

Он вышел к столу с видом оскорблённого достоинства. Взял камень, сосредоточился...

Камень начал меняться. Вытягиваться, заостряться, и через минуту в руке у Льюиса лежал идеально заточенный наконечник копья.

— Ого, — выдохнул кто-то.

— Неплохо, — признал Герхард. — Очень неплохо.

— Ага, — подал голос Ворчун. — Только зачем ему наконечник копья, если он даже держать его не умеет? Смотрите, как в руке трясётся. Выронит сейчас.

И правда, Льюис слегка нервничал, и наконечник в его руке подрагивал.

— И цвет какой-то бледный, — добавил Скрипуля. — Неправильный. Надо было темнее делать. А то светится, как светлячок. В бою демаскирует.

— Зато острый, — вступился Молчун. — Порезаться можно.

Льюис швырнул наконечник на стол и вернулся на место, бормоча проклятия.

Я сидела и молилась, чтобы меня не вызвали.

Не помогло.

— Адептка Фэрстон, — позвал Герхард. — Ваша очередь.

Я встала, чувствуя себя приговорённой. Горшок с мухоморами пришлось поставить на пол, потому что с ним в руках использовать магию было неудобно.

— Давай, рыжая! — подбодрил Ворчун. — Покажи им!

— Мы в тебя верим! — добавил Скрипуля.

— Не опозорь нас, — закончил Молчун.

Я подошла к столу, взяла камень и сосредоточилась.

Трансфигурация никогда не была моей сильной стороной. Я больше по зельям. Но попытаться стоило.

Камень в моей руке начал нагреваться. Я представила, как он превращается в небольшой метательный диск — плоский, острый по краям.

— Давай-давай, — шептал Ворчун. — Концентрация. Ещё чуть-чуть.

Камень менялся. Медленно, но верно. Он расплющивался, края истончались...

— Получается! — воскликнул Скрипуля.

И в этот момент я отвлеклась.

Всего на секунду. На то, чтобы посмотреть на мухоморов.

И камень лопнул.

Прямо у меня в руке. Разлетелся на мелкие кусочки.

Я замерла с осколками в ладони.

— Ой, — сказал Ворчун.

— Неудачно, — прокомментировал Скрипуля.

— Бывает, — философски заметил Молчун. — В следующий раз получится.

Герхард смотрел на меня. В его взгляде читалось что-то среднее между «я так и знал» и «почему я не уволился ещё вчера».

— Адептка Фэрстон, — сказал он. — Вам нужно больше практики.

— Я знаю, — прошептала я.

— И меньше отвлекаться.

— Я знаю.

— И следить за своими подопечными.

Я кивнула, чувствуя, как горят щёки.

Вернувшись на место, я схватила горшок и прошипела в него:

— Вы специально?!

— Что? — удивился Ворчун. — Мы тебя подбадривали.

— Из-за вас я отвлеклась!

— А ты не отвлекайся, — наставительно сказал Скрипуля. — Мы всегда будем рядом. Привыкай.

— И не надейся, что мы замолчим, — добавил Молчун. — Мы грибы разговорчивые. Нам природа такая дана.

Я закрыла глаза и глубоко вздохнула.

Лекция тем временем продолжалась.

Герхард вызывал студентов одного за другим. Мухоморы комментировали каждого.

— Этот слишком медленно соображает. Тот вообще не понял, чего от него хотят. А эта девушка молодец, только неуверенная слишком. А вон тот парень... Ой, смотрите, у него камень в мышь превратился! Мышь! Вместо снаряда! Ха-ха-ха!

К концу лекции у всех болела голова. У меня — особенно.

Когда прозвенел звонок, я схватила горшок и рванула к выходу быстрее всех.

— Дарсия, подожди! — крикнула Мира, догоняя меня в коридоре.

— Не могу, — выдохнула я. — Если я сейчас не уйду, я их утоплю.

— Не надо нас топить! — возмутился Ворчун. — Мы плавать не умеем!

— И вообще, мы тебе ещё пригодимся, — добавил Скрипуля.

— Чем?! — взвыла я.

— Ну... — задумался Молчун. — Например, мы можем комментировать твоих врагов. Вон того Льюиса мы сегодня хорошо отделали, правда?

Я остановилась.

Они действительно отделали Льюиса. И это было приятно.

— И вообще, — продолжил Ворчун. — Мы же не просто так ворчим. Мы правду говорим. Иногда обидную, но полезную. Вот скажи, разве Льюис не заслужил?

Я задумалась.

— Заслужил, — признала я.

— А разве тебе не стало легче, когда мы его отчитали?

— Ну... Стало.

— Вот видишь! — обрадовался Скрипуля. — Мы полезные!

— Мы как совесть, только громче, — добавил Молчун.

Я посмотрела на них. Три ярко-красных мухомора в глиняном горшке. Три пары маленьких глазок смотрели на меня с надеждой.

— Ладно, — вздохнула я. — Живите пока.

— Ура! — заорали они хором. — Рыжая нас любит!

— Я не говорила, что люблю!

— Но подумала, — хитро прищурился Ворчун. — Мы всё слышим. Мы же грибы.

Я закатила глаза и пошла дальше.

Впереди был ещё целый день. И целая жизнь с тремя говорящими грибами.

— Слушай, Дарсия, — окликнула меня Мира. — А они у тебя всегда теперь будут?

— Похоже, что да, — мрачно ответила я.

— И на всех лекциях?

— На всех.

— И в столовой?

— И в столовой.

— И в библиотеке?

— Мира, ты добить меня хочешь?

— Нет, просто интересно. — Она помолчала. — Знаешь, а мне они нравятся. Они весёлые.

— Тебе легко говорить. Ты не их нянька.

— Зато они Льюиса заклевали. Я чуть не лопнула от смеха, когда они про галстук сказали.

Я невольно улыбнулась.

— Да, это было неплохо.

— Вот видишь! У них есть плюсы.

Мы вышли во внутренний дворик. Солнце светило, птички пели.

— Слушайте, — подал голос Молчун. — А солнце нам полезно? Мы вообще грибы, нам, кажется, тень нужна.

— Точно, — спохватился Ворчун. — Рыжая, уברי нас в тень! А то засохнем!

— И поливать не забывай, — добавил Скрипуля. — Мы влагу любим.

— И разговаривать с нами, — закончил Молчун. — Грибам внимание нужно.

Я остановилась посреди двора с горшком в руках и поняла: моя жизнь теперь принадлежит не мне.

Она принадлежит трём мухоморам.

И одному суровому преподавателю, который в любой момент может припомнить мне всё.

Но, глядя на то, как довольны топорщатся шляпки моих подопечных, я вдруг поймала себя на мысли, что они правда забавные.

Немного.

Совсем чуть-чуть.

— Ладно, — сказала я, направляясь к тенистому уголку. — Будем искать компромисс. Вы не орете на каждой лекции, а я вас поливаю и кормлю.

— А погладить? — спросил Ворчун.

— Чего?!

— Погладить. Мы же грибы нежные. Нам ласка нужна.

— Я не буду гладить грибы!

— А зря, — вздохнул Скрипуля. — Мы приятные на ощупь. Гладенькие.

— И тёплые, — добавил Молчун. — От солнца нагрелись.

Я посмотрела на них.

Они смотрели на меня.

— Нет, — сказала я твёрдо.

— Ну и пожалуйста, — надулся Ворчун. — А ещё нянька называется.

— Я не нянька, я временный опекун.

— Одно и то же.

Я вздохнула и пошла искать тень.

Мира плелась рядом и тихо хихикала.

— Что смешного? — буркнула я.

— Ты, — честно сказала она. — С грибами. Это же классическая комедия. «Студентка и её говорящие мухоморы».

— Очень смешно.

— Ага. Я бы посмотрела.

— Ты и так смотришь. Бесплатно.

— И наслаждаюсь.

Я закатила глаза, но улыбнулась. В конце концов, могло быть хуже. Гораздо хуже. Например, эти грибы могли оказаться ядовитыми. Или молчаливыми. Или, что ещё страшнее — правильными и нудными. А эти хоть и ворчат, но иногда говорят дело. Иногда. Очень редко. Но бывает.

— Рыжая, — позвал Ворчун. — А ты нам сказки на ночь читать будешь?

— Нет.

— А петь?

— Нет.

— А рассказывать, как прошёл день?

— Нет!

— А зря, — вздохнул Скрипуля. — Грибам без общения скучно.

— Придётся поскучать, — отрезала я.

— А можно мы тогда будем комментировать твою личную жизнь? — с надеждой спросил Молчун.

— НЕТ!

— Ну хотя бы ухажёров, если появятся?

— У меня нет ухажёров.

— Пока нет, — многозначительно сказал Ворчун. — Но появятся. А мы поможем. Раскритикуем их в пух и прах, чтобы ты сразу видела, кто есть кто.

— Не надо меня сватать!

— А мы не сватать, мы помогать, — поправил Скрипуля. — Тонкая грань, но мы её чувствуем.

Я остановилась и посмотрела на них.

— Слушайте, вы. Если вы начнёте комментировать мою личную жизнь, я вас в компост закопаю. Понятно?

Грибы переглянулись.

— Понятно, — сказал Ворчун.

— Так точно, — добавил Скрипуля.

— Будем молчать как рыбы, — пообещал Молчун.

Я им не поверила. Ни на секунду. Но выбора у меня всё равно не было.

— Пошли, — вздохнула я. — В тень. А то засохнете, и кто тогда будет меня доводить?

— Вот именно! — обрадовались грибы. — Кто?

И мы пошли. Вместе.

Странная компания: студентка, её подруга и три говорящих мухомора в горшке.

Впереди был ещё целый день. И целая жизнь. И, кажется, она обещала быть очень весёлой.

Глава 6

Когда прозвенел звонок, я рванула к выходу быстрее, чем файербол, запущенный с близкого расстояния.

У меня был план. Гениальный план, достойный лучших умов Академии: схватить горшок, добежать до общежития, спрятаться под кроватью и не вылезать оттуда до самого выпуска.

Но судьба, как известно, любит посмеяться над гениальными планами.

Я не успела сделать и трёх шагов по коридору, как тяжёлая рука опустилась мне на плечо.

— Адептка Фэрстон. Задержитесь.

Я замерла.

Голос Герхарда Стронвэлда звучал ровно, без эмоций, но от этого почему-то было ещё страшнее. Когда на тебя орут — это понятно. Выплеснул эмоции и пошёл дальше. А когда говорят вот так, спокойно — это значит, что внутри у человека уже всё кипит, и он просто выбирает способ тебя уничтожить.

Я медленно, очень медленно повернулась.

Герхард стоял надо мной, как скала. Высокий, широкоплечий, с каменным лицом. И на этом каменном лице не читалось ровным счётом ничего.

— Следуйте за мной, — сказал он и, развернувшись, зашагал по коридору.

Я поплелась за ним.

Мухоморы в горшке оживились.

— О, куда это мы? — заинтересовался Ворчун. — На экзекуцию?

— Наверное, — предположил Скрипуля. — Будут наказывать нашу рыжую.

— За что? — удивился Молчун.

— За нас, — объяснил Ворчун. — Мы же её подставили. Если б не мы, она бы просто облила этого Льюиса и всё.

— А мы теперь есть, — философски заметил Молчун. — Значит, надо отвечать.

— Заткнитесь, — прошипела я. — Без вас тошно.

— А чего ты на нас шипишь? — обиделся Скрипуля. — Мы не виноватые. Мы вообще жертвы обстоятельств. Сидели себе в зелье, никого не трогали...

— В зелье вы не сидели, — перебила я. — Вы из зелья выросли. На преподавателе.

— Ну и что? Мы не просились.

— Вот с ним и будете разговаривать.

Мы подошли к кабинету Герхарда. Он открыл дверь и жестом пригласил меня войти.

В кабинете было мрачновато. Тяжёлая мебель, тёмные шторы, на стенах — какие-то схемы и карты. Пахло кожей и магией. И ещё, кажется, немного одиночеством.

— Садитесь, — сказал Герхард, указывая на стул.

Я села. Горшок с мухоморами поставила на пол рядом.

Герхард обошёл стол и сел напротив. Сложил руки перед собой. Посмотрел на меня.

Я сглотнула.

— Адептка Фэрстон, — начал он. — Вы понимаете, какую проблему вы мне создали?

— Да, — выдохнула я.

— Эти создания... — он кивнул на горшок, — ...сорвали мне две лекции. Студенты смеялись, а не слушали. Авторитет преподавателя подорван.

— Я понимаю.

— Вы понимаете, что за такие вещи отчисляют?

У меня внутри всё оборвалось.

— Отчисляют? — переспросила я шепотом.

— Могут. Если ректор узнает.

— А вы расскажете ректору?

Герхард помолчал. Потом медленно покачал головой.

— Не расскажу.

Я выдохнула. Но радоваться было рано.

— Однако, — продолжил он, — это не значит, что вы останетесь безнаказанной.

— Я готова! — выпалила я. — Всё что угодно! Дополнительные задания, отработки, уборка аудиторий...

— Уборка аудиторий, — повторил Герхард задумчиво. — Интересное предложение. Но у меня есть идея лучше.

Он встал, обошёл стол и остановился прямо передо мной.

Я вжалась в стул.

Герхард наклонился и взял горшок с пола.

— Вот, — сказал он, ставя горшок на стол. — Эти... грибы... должны куда-то деваться.

— Они у меня, — напомнила я.

— У вас, — согласился Герхард. — Но носить их с собой весь день неудобно. Я предлагаю компромисс: пусть они живут здесь.

— Здесь? — не поняла я. — В вашем кабинете?

— Да. У меня тепло, светло, есть окно. А вы будете приходить и ухаживать за ними.

Поливать, кормить, разговаривать.

— Разговаривать? — переспросила я.

— Они говорящие. Им нужно общение. Я вчера попробовал с ними поговорить — они меня чуть с ума не свели своим ворчанием. Пусть уж лучше с вами общаются.

Я посмотрела на мухоморы. Те с интересом прислушивались к разговору.

— Ну, — сказал Ворчун. — Нормальный вариант. Кабинет у него ничего. Тепло, сухо. И окно большое.

— И цветы на подоконнике есть, — добавил Скрипуля, выглядывая из горшка. — Мы с ними подружимся.

— А рыжая будет приходить, — подхватил Молчун. — Нам же внимание нужно.

— Подождите, — перебила я. — То есть вы хотите, чтобы я каждый день приходила к вам в кабинет?

Герхард посмотрел на меня.

— Вас что-то смущает?

— Нет! — слишком быстро ответила я. — То есть... просто... не слишком ли это? Может, проще отработки?

— А вы хотите отработки?

— Нет.

— Тогда принимайте условия.

Я вздохнула.

— Принимаю.

— Отлично. — Герхард кивнул и вдруг, к моему полному изумлению, аккуратно, почти нежно, взял горшок в руки.

— Что вы делаете? — спросила я.

— Пересаживаю их, — ответил он. — В нормальный горшок. Этот... — он покосился на глиняный горшок, который я принесла, — ...так себе. Тесновато им.

И тут произошло нечто невероятное.

Герхард Стронвэлд, самый суровый преподаватель боевой магии, о котором ходили легенды (говорили, он однажды голыми руками задушил дракона, хотя я лично в это не очень верила), начал пересаживать грибы.

Он подошёл к шкафу и достал оттуда другой горшок. Большой, красивый, с рисунком в виде магических рун.

— Откуда у вас это? — удивилась я.

— Неважно, — буркнул он.

Но мухоморы уже всё поняли.

— О, смотрите! — восхитился Ворчун. — С рунами! Это ж защитные, да? Чтобы мы не болели?

— Чтобы земля не плесневела, — поправил Герхард, насыпая на дно горшка камешки. — Дренаж.

— Он знает про дренаж! — ахнул Скрипуля. — Мужик-то с понятием!

— И земля специальная, — добавил Молчун, заглядывая в пакет, который Герхард тоже откуда-то достал. — Для комнатных растений! Для нас!

Я сидела с открытым ртом и смотрела, как преподаватель боевой магии колдует над грибами.

Он аккуратно, очень аккуратно, взял первого мухомора — Ворчуна — за ножку.

— Руки не из того места растут! — немедленно завопил тот. — Осторожнее! Оборвешь шляпку!

— Не оборву, — спокойно ответил Герхард.

— Да? А откуда ты знаешь? Ты вообще грибы когда-нибудь пересаживал?

— Первый раз.

— Ой, всё! — закатил глаза Ворчун. — Сейчас он меня угробит. Рыжая, скажи ему!

Я молчала, потому что не могла вымолвить ни слова. Слишком сюрреалистичной была картина.

Герхард между тем осторожно поместил Ворчуна в новый горшок, присыпал корни землёй и слегка прижал.

— Ну как? — спросил он.

— Нормально, — нехотя признал гриб. — Но могло быть и лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.